

Инга Максимовская

Фулл
САЙЗ

ТОЛЬКО
НЕ В МЕНЯ

Инга Максимовская

Фулл сайз. Только не в меня

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68042923
Фулл сайз. Только не в меня: Avtorskie-txt; 2022*

Аннотация

Макар Ярцев – богатый, красивый, расчетливый и злой. Так говорят все, кто хоть раз с ним встречался. У него одна слабость – его наследница. Маленькая девочка, которую я выхватила из-под колес несущейся на нее машины. Мы никогда не были знакомы, но... Его малышка смотрит на мир моими глазами, как я морщит конопатый нос и страдает от дефицита внимания. Ей пять лет. Ровно столько, сколько я пытаюсь сбежать от страшного прошлого.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Инга Максимовская

Фулл сайз.

Только не в меня

Пролог

Пять лет назад

Вера

– Ааааа, – кричу я, не в силах больше терпеть разрывающую тело, боль. – Мамочки.

Дышать нечем, в глазах мерцают цветные вспышки. Очередная схватка скручивает узлом измученный организм.

– Вспомнила мамочку. Эх, девки, гуляли б еще да гуляли. В двадцать лет по танцуйкам надо бегать, а не детей рожать. Я вот в восемнадцать сына прижила. Подружки мои все на танцах, а я сразу взрослая стала, – бурчит дородная акушерка, ощупывая мой раздутый живот. – Терпи, коза. Немного осталось. Зато потом...

Что потом я уже не слышу. Проваливаюсь в сон, который продлится всего несколько секунд. Тех самых, что мне даны для передышки высшим богом. Это даже не сон, а дрема. «Десять, девять, восемь, семь» – считаю про себя, ожидая очередной вспышки.

– Чуть-чуть, – пытаюсь растянуть в улыбке спекшиеся губы. И снова слепну от боли. Но теперь она другая. Моя доченька спешит увидеть свет. – Помогите.

Макар Ярцев

– Я не господь бог, – блеет докторишка в идиотской медицинской пижаме, разрисованной мультяшными аистами. – У вашей жены эклампсия – тяжелое состояние, усугубленное судорожным симптомом. Чего вы ждали? Тут мамочку спасти бы...

– Я не спрашиваю тебя, что ты будешь делать и как. Я вполне определенно говорю, спасешь моих девочек – станешь очень богатым. Нет – извини, Пилюлькин... – хриплю я, задыхаясь от бессилия.

– Я вас понял, – вздыхает эскулап, медленно поднимаясь на ноги, – сделаем все возможное.

– И невозможное, – мой вид сейчас видимо настолько зверский, что я вижу промельк животного страха в глазах доктора, бликующий в стеклышках его очков.

И невозможное тоже.

Время сливается в бесконечные какие-то спирали, в вонющем не пойми чем воздухе дешевого больничного коридора. Только до этой богадельни я и успел довести свою беременную жену. Элитная клиника, подготовленная и оплаченная вперед, находящаяся у черта на рогах, оказалась слишком далеко в условиях сегодняшнего кошмара. Придурок. Надо было и это предусмотреть.

– Черт, у нас же было еще два месяца, – шепчу, борясь с желанием начать биться головой в шершавую стену, выкрашенную стремной краской.

Носиться по коридору уже нет сил. Бедные львы в клетке, теперь я начинаю понимать хищных кошачьих, бесящихся от бессилия... Клеенчатая тахта, насквозь провонявшая дезраствором похожа на раскаленную дыбу. Час, два, три. Сколько я уже тут? И как до сих пор не сошел с ума?

– У вас девочка, – наконец слышу я измученный баритон, который кажется мне божьим гласом. – Мы сделали невозможное. Вес три пятьсот, рост пятьдесят один сантиметр. Шкала апгар около восьми.

– Она родилась семимесячной, – даже находясь в полубезумном состоянии я удивляюсь. Показатели уж слишком идеальные. Идеальные, даже для доношенного младенца.

– Просто крупный ребенок. – кривит в улыбке губы врач. – Ваша супруга вне опасности. Вы сможете увидеть дочь минут через тридцать. А потом отдыхать, отдыхать.

– Как моя жена?

– Порядок. Полный порядок, – не очень уверенно шепчет чертов эскулап. – Завтра и с ней пообщаетесь. Сегодня не надо. Пусть отдыхает.

– Доктор, я выполню свое обещание, – наконец снова превращаюсь в себя. Лютый страх разжимает свои ледяные клешни, сжимающие мою душу.

Вера

Что-то происходит. Что-то непонятное и страшное. Мою девочку, малышку уносят, даже не приложив к груди. Суета, какие-то странные перешептывания врача и акушерки. Я не понимаю ни слова.

– Эта дура что-то приняла, и я не знаю, что теперь делать, – шипит врач, прикрывая слова грохотом инструментов. Тома, черт возьми, девка кровит. Зови анестезиолога.

Я лежу расхристанная, измученная и не понимаю больше половины происходящего. Чьи-то руки давят на мой живот с такой силой, что кажется я должна бы умирать от боли, но боли нет. Ничего не чувствую. Совершенно.словно парализованная. В сгиб локтя впивается игла, и мир вокруг начинает стихать.

– Эта чертова стерва явно не хотела ребенка, кто его знает, что там в башке у богатых стерв, – слышу я, цепляясь за реальность ускользящим сознанием. – А мне теперь что делать? Этот зверь меня уничтожит. Тома, помоги мне.

– Эх, Федор, попали мы с тобой как кур во щи. Ладно. Этой-то терять нечего. Не замужем, судя по тому, что у нас рождает, нищая. Зачем ей ребенок? Рожают такие дуры, нищету плодят. Еще настругает. У таких не заржавеет. Шей давай.

– Как же мы ей скажем?..

– Что? Что вы должны мне сказать? – кричу я, но голос не идет. Только беспмятство, словно клочки тумана, витает в воздухе, пахнущем кровью.

– А это уж твоя забота, милоч, мое дело дитё обиходить, да неонатологам передать, – отголоски женской фразы я не воспринимаю больше. Тает действительность, словно свечной воск, растворяя все вокруг.

Глаза открываю уже в палате. За окном розовеет закат, такой яркий, что хочется зажмуриться. Во рту сухо, как в пустыне. Поднимаюсь и пошатываясь бреду в коридор, стараясь не смотреть на пустую маленькую металлическую кроватку. Надо узнать, где моя малышка. Так хочется увидеть ее. Ту, что мечтала прижать к себе долгих девять месяцев. Мою доченьку, ради которой отказалась от всего, включая собственную жизнь.

– Вы зачем встали? – молодая медсестра угрюмо хмурит брови и не смотрит мне в глаза.

– Я хочу увидеть свою дочь, – звучу жалко, как Ивашка из мультика. – Она наверное хочет есть.

– Девушка, у нас прекрасные смеси. Дождитесь обхода, –

не поднимает головы медичка от кроссворда.

– Вы же знаете, что для младенца важны первые капли молозива, а не адаптированная бурда? – опа, прорезался-таки голос.

– А вы должны понимать, что в больнице есть правила, – странная истерика в голосе девчонки заставляет меня сдать-ся. – Детское отделение закрыто до утра. Идите в палату, не мешайте мне работать. Иначе я пожалуюсь врачу на ваши выходы.

Ничего, до обхода как-нибудь продержусь. Часы отсчитывают минуты и к десяти утра я уже хочу биться головой в стену. Напряжение, струной гудит где-то в груди. Поэтому когда порог палаты переступает доктор, я трясусь уже в нервной в лихорадке. Мою малышку так и не принесли, и я умираю от какого-то сверхъестественного предчувствия.

– Вера, здравствуйте, – словно сквозь вату слышу я, – как вы себя чувствуете?

– У меня полна грудь молока, – тихо говорю я, теребя в руке подготовленный для доченьки маленький чепчик. – Когда я смогу увидеть мою малышку? Она же голодная наверное. Я против смесей.

– Вера, послушайте. Ваша девочка... Она была нежизнеспособна, тройное обвитие пуповиной не оставило ей шансов. Мы ничего не смогли...

На голову словно накидывают душное одеяло. Тяжелое и беспросветное. Это же неправда. Невозможно.

– Она плакала, – шепчу, выталкивая слова с трудом. – Значит дышала. Я слышала. Слышала, черт вас побери!

– Мне очень жаль, – отворачивается врач, – тело ребенка отправлено на экспертизу. Вас выпишут, как только показатели придут в норму. Вы молодая женщина, родите еще. Мы сделали все возможное. Я пришлю медсестру, она сделает успокаивающий укол. Ваша девочка была глубоким инвалидом. Долгая асфиксия, необратимые изменения в мозгу. Радуйтесь, что так все вышло.

– И невозможное. Она была моей, и плевать я хотела на изменения. Мы бы справились. Что вы за врач такой, что позволяете себе так говорить? – плакать не могу. Только чувствую, что дышу через раз, и грудь разрывает от молока, крика и яростной боли. А потом приходит апатия. Страшная такая, пустая. Наверное так умирает душа.

Макар Ярцев

Баба красноносая и заплаканная стоит на крыльце дешевого роддома, и Дашка едва не сбивает ее с ног. Она недовольная, сердитая и капризная. Взбешена тем, что ей пришлось провести столько времени в нищеводской больнице, хотя за ней ходили, как за принцессой крови.

Материнский инстинкт у Дашки так и не проснулся. На дочь она не глянула даже, зато зашипела на несчастную, по которой я равнодушно мазнул взглядом. Все мое внимание

было приковано к кряхтящему свертку в руках женщины в белом халате.

– Быдло жирное, – плюнула моя жена, кутаясь в белую норку. И несчастная ей даже не ответила. Сжалась вся, как брошенный котенок, глядя большими глазами на мою дочь. Мне показалось, что в них столько боли и любви ко всем вокруг, что можно этим укрыть целый мир. А вот в Дашке материнский инстинкт так и не ожил за те семь дней, что она провела в больнице, доставая всех своими капризами.

– Простите, я не хотела, – равнодушно пискнула женщина и медленно побрела по ступеням. Именно побрела. Не пошла, не зашагала легко. Мне показалось, что к ее ногам привязаны гири. Я мазнул по ее фигуре взглядом и тут же забыл эту непонятную встречу. Все мое внимание устремилось к маленькой дочери.

– Возьми это, – сморщилась Дашка, не приняв из рук медика своего ребенка. Отшатнулась, как черт от ладана, подстранно прищуренным взглядом медсестры. – Я за эту неделю страшно устала от доуки. Нянька готова к работе?

– Это твоя дочь, – прорычал я, прижимая теплый конверт, пахнувший молоком и радостью. – И на твоём месте я бы постарался быстрее обрести материнский инстинкт. Поняла?

– Поняла, – в голосе Дашки нет ни капли страха. Я борюсь с первыми в своей жизни приступами неконтролируемой ярости, еще не зная, что скоро они станут моими постоянными спутниками. И только вот это маленькое существо,

которое я прижимаю сейчас к груди не даст мне рехнуться.

Женщина, с глазами цвета майской зелени выветривается из моей головы, как утренний туман на долгие годы.

Глава 1

Вера

– В общем, бежал он от нее, как от ладана, – смеется Валентина, красивая и холеная. Про таких говорят – стерва. – Ты меня слушала вообще?

Конечно нет. Я сижу и смотрю в витражное окно дорогой забегаловки на декабрь, крутящий за окном снежные завихрения. Я умерла в декабре, пять лет назад. Нет, тело мое существует, и даже перемещается в пространстве каким-то чудом. А вот все остальные функции отмерли за ненадобностью.

– Слушаю, – киваю, отхлебывая из маленькой чашечки кофе, ценой в полет на Майорку и обратно. Благородный напиток похож на жидкую грязь и по вкусу и по консистенции. И определенно не стоит тех денег, что заявлены в карте меню.

– Так вот, этот старый пес, заслуженный какой-то там, на приеме подошел к нашей Кэт, взял ее за руку и начал клеить, Мойва ни в какую, естественно. Она же у нас фря вавилонская, вся такая воздушная, а у самой полная пасть зубок острых. Так хрыч положил ее ладонь на... Ну ты поняла.

Снова киваю. Если ледяная Валька начинает сплетничать, значит эта новость или сродни бомбе, или не все ладно в датском королевстве. Но сейчас декабрь. А в этом месяце мои подруги активизируются, чтобы не дать мне окончательно сойти с рельс.

– И Мойва такая говорит...

Мойвой зовут нашу с Валькой подругу, Катерину. Она модель, очень известная и совершенно безбашенная. Однажды, в детстве, Кэт явилась в школу в серебристом шикарном плаще, а учитывая ее стройность граничащую с болезненной худобой, классные пацаны сразу ее метко обозвали мелкой рыбой, представительницей семейства корюшковых.

– ...я согласна, но придерживаюсь определенных условностей, и у меня мать строгая, – голос Валентины дрожит от едва сдерживаемого смеха. Я вяло мешаю остывшую жижу, и представляю Мойву с вытаращенными глазами, похожими на озера. У Катьки зрение ужасное, стекла в очках в палец толщиной. На приемы и выходы она надевает контактные линзы, в которых видит очень плохо. От этого, взгляд красавицы иногда напоминает взгляд безумного маньяка. – И этот хмырь ей, мол все что угодно, моя королева. Ну и Мойва наша ему говорит: «А принесите мне топор, черную курицу на перекресток который я укажу, в двенадцать ночи».

Валька больше не сдерживается, тихо хихикает, придерживаясь этикета. Прикрывает ладошкой рот, полный дорожных зубов. Я вяло улыбаюсь, хотя история действительно

смешная.

– А он ее спрашивает «Это еще зачем?» Так Кэт с улыбочкой своей этой кривой и глазами безумными и говорит: «Ах дорогой. Моя мать за разрешение соития требует кровавую жертву. А потом я должна буду вырезать у тебя на запястье пентаграмму, смешать твою живительную влагу с жертвенной кровью и я вся ваша навек. Получим благословение черной богини». Катька говорит, никогда не видела, чтобы столь почтенные и титулованные старые повесы так шустро бежали, – забыв об этикете гогочет во все горло Валентина, откинувшись на спинку стула. Я ей, наверное, завидую. Так уметь себя подать сможет не каждая. А еще не терзаться тем, что сделано, и не жить прошлым. Я так и не постигла эту науку.

– Бедный мужик, – через силу кривлю в улыбке губы. – Валь...

– Велла, меня зовут Велла. Ну или Валентайн на крайняк, – морщится подруга. Она ненавидит свое имя. И сочетание с фамилией Залетайкина приводят ее в ярость. Нет, понять ее можно, одиннадцать лет быть Валькой Залетайкой – удовольствие ниже среднего. Теперь она всем представляется Веллой Залтейн. Как по мне еще более идиотски звучит. Но ей нравится. Валюшка юрист. Очень сильный и хищный. И все у нее по ранжиру. Все так, как должно быть: квартира в центре, машина бизнес-класса, тряпки от кутюр, а счастья нет. И ощущение, что она уже с этим свыклась.

– Короче, сегодня все идем в «Берлогу». Мойве каким-то

образом удалось заказать там столик. Они с нашей Мамой-козой месяц охотились за местом в этой харчевне.

– Я не смогу, наверное, – блею, понимая, что соскочить не удастся. Мама Коза наша третья подружка. Вообще-то ее зовут Инна, мать троих детей, жена полуолигарха, ни дня в жизни не работавшая. Она была идейным вдохновителем всех наших детских проказ. Да и сейчас с головой у почтенной дамы не копенгаген, надо сказать. Ее бедный муж с трудом вывозит экзерсисы супруги, скорее похожие на диверсии. Делает Мама-Коза все не со зла, а из чистой любви к искусству.

– Не просто сможешь, а даже полумертвая приползешь. Даже если тебя на «Карбюраторном» проспекте перережет пополам трамваем, ты возьмешь ноги в руки и доползешь, поняла? Нельзя себя хоронить, Верка. Ты живая, молодая и свободная. А живым жить надо. Пять лет прошло, а ты похожа на бледную моль. Колготки ты эти взяла где уродские? Даже кривые «нитки» Мойвы не вынесли бы подобной красоты. Твои копыта похожи в них на рулоны туалетной бумаги, нанизанные на веревки. А шапка? Не найдешь ты себе мужика, если будешь рядиться, как тля колхозная.

– Я видела Славу на днях, – шепчу, вжимая голову в плечи. – И он даже не спросил меня про... Мне не нужны больше мужчины. Одной легче.

– Боже. Верка, ты блаженная, – вздыхает Валентайн, – он тебя брюхатую бросил. Чего ты ждешь? Да этот козел

рад был, что... Прости. Прости, детка. Короче, мы все тебя ждем. В шесть в «Берлоге», не опаздывай. Мойве пришлось поступиться принципами ради трактира. А Инка... В общем, у нас девичник сегодня и точка.

– Я даже не знаю, где находится ресторан, – спорить больше нет сил. Слова Вали высосали из меня последние. А Славка... Он другой стал: оплыл, волосы поредели, но все еще красив. И я едва сдержалась, чтобы не уткнуться ему в грудь носом и не рассказать, что все эти годы чувствую. Только вот ему это было неинтересно. Я неинтересна, судя по жалостливому взгляду, которым меня окинул тот, кого я любила настолько, что отказалась от всего на свете.

– Интернет тебе в помощь, а мне на работу пора, – голос Веллы, тьфу ты, Вальки сочится брезгливостью. Явно поняла, о ком я думаю. Да и пофигу. Это моя жизнь.

Я смотрю как подруга идет к выходу из пафосной забега-ловки, чеканя шаг подметкой сапог от Валентино и пытаюсь подсчитать наличность в кармане. Черт, может не хватить, этот кофе из золота что ли варят? Нет, я не бедствую, просто очень неорганизованна. Сумка с наличностью так и осталась болтаться на вешалке в прихожей моей квартиры, которую я ненавижу за тишину и порядок.

– Ваш счет оплачен, – равнодушный официант на меня не смотрит, ему я тоже не интересна. Сейчас же по одежке встречают. Смешно, вот уже много лет я чувствую себя невидимкой. Наверное так оно и есть. – Ваша подруга закрыла

чек.

Декабрь в этом году снежный, даже красивый, если внимательно присматриваться или хотя бы видеть окружающий мир не сквозь призму болезненных воспоминаний. Натягиваю варежки на озябшие руки. В магазин зайти что ли? Негоже являться в модный ресторан одетой как чернавка. Хотя, эти колготки мне по душе, они уж всяко лучше, чем курчавые рейтузы из пуха козы, в которых Валька щеголяла в школе. И шапка вязаная из акрила мне невероятно нравится. Я специально выбирала, чтобы помпон был не меховой и вязка крупная. Зайду домой, возьму банковскую карту и пройду по магазинам, все же. Сегодня, как я полагаю, будет парад-алле, неохота ударить в грязь лицом.

Что-то привлекает мое внимание. Маленький цветастый вихрь пролетает мимо меня, едва не сбив с ног. Я вижу копошащееся на тротуаре неопознанное, крохотное меховое существо над которым склонился ребенок, принятый мною за сказочный ветер, слышу визг шин по асфальту. Все чувства сплетаются в кокон, устремляющийся к трогательной фигурке. Это девочка, смешная, насупившаяся и конопатая, держит в руках обреченного зверя, подхваченного с асфальта. Откуда здесь взялась эта кроха? «Она бы такая сейчас была, моя доченька» – проносятся за доли секунды в голове мысли. Тело больше не подчиняется никаким законам гравитации. На малышку несется ревуший механический монстр. И я понимаю, что ребенок не успевает, и в глазах девочки

появляется страх.

Не знаю, не понимаю, просто чувствую тяжесть в своих руках. Легкое тельце удастся вытолкнуть на тротуар прежде чем мир взрывается яростной, всепоглощающей, похожей на вспышку боли. «Успела» – улыбаюсь я набрякшему снежному небу, прежде чем отключиться.

Макар Ярцев

– Я честно не виновата, пап, – морщит нос-пуговку Маришка, от чего мелкие смешные веснушки на ее переносице начинают плясать. Интересно, откуда у нее эти солнечные канапущки? Ни у меня, ни у моей бывшей жены нет таких отметин. И глаза у нас карие, а у Маришки они ярко-зеленые. Я таких и не видел никогда. Невозможные, таких и в природе не бывает. Дашка сказала, что в ее бабуку. У меня нет причин ей не верить. Но иногда...

– Мне даже нравилась Серафима Павловна. Ну, точнее нравится. Она читала мне сказки и была самой не противной из всех няnek, – продолжает малышка, поправляя на переносице дурацкую маску. Психолог сказал, что она прячет за ней свое детское одиночество и борется с дефицитом внимания. Ребенок лишенный материнской ласки не может вырасти нормальным, как ни старайся. Черт, снова я прокручиваю в голове идиотские предположения детского мозгоправа. И понимаю, что он местами прав. Чертова дура Дашка бросила

дочь. Просто сбежала. Странно, но материнский инстинкт в ней так и не проснулся. Маришку она едва терпела в моменты просветления. А когда пребывала в тумане своих нездоровых увлечений, так и вовсе не вспоминала о дочери. Кроме денег моя женушка ничего и никого никогда не любила. Чертова мразь, сумасшедшая стерва. Я вздохнул, когда она вычистив сейф свалила в неизвестном направлении, понимая, что мои юристы оставят ее без штанов, еще и упекут в клинику, где лечат зависимости, там ей самое место. Да и бог ей судья, как говорится. Но Маришка скучает. И это доводит меня до белого каления.

– И гель с блестками, разлитый на кафеле не твоих рук дело? – я хмурюсь, но сердиться на дочь долго не могу.

– Просто хотела посмотреть, будет Серафима похожа на единорожиху, – в голосе малышки раскаяние. – Я же не думала, что взрослая тетенька свалится и сломает ногу. Ой, она так шлепнулась, я думала проломит нам пол.

– А перед этим Анна Валерьевна чуть не лишилась глаза. А до нее Светлана Юрьевна осталась заикой. И костюм этот твой дурацкий? Давай тебе купим красивых платьев, шубку. Ты же девочка, а одеваешься, словно сбежавший из детского дурдома пациент. Я все понимаю и постараюсь уделять тебе больше внимания.

– Я супердевочка, па, – показывает щербинку между зубами Маринка. – И костюм у меня клевый. Костюм супергеройский, и маска, между прочим тоже. А няни сами были

виноваты, честное слово. Та, что заикается теперь, просто не оценила шутку. А кровь даже не похожа была на настоящую.

– Светлане Юрьевне так не показалось, – хмыкаю я, вспоминая сколько отсыпал нервной тетке богатств на лечение, щедрой рукой.

– Зато теперь она закаленный в боях боец, – хихикает дочура. – И, кстати, тебя тренерша вызывает, Юлька из балетной студии меня дразнит. Говорит, что я такая шумашедшая, потому что у нас семья не... Неполцевная, что ли. Не помню как она сказала. А Юльку я побила, хотя она больше меня и ей уже восемь. Она ведь тоже сама виновата, теперь тебе надо идти к моей учительнице, потому что у Юльки нос похож на сливу. Где справедливость? Вот я вырасту, стану суперженщиной и наведу порядок.

– Девочки не должны драться, – включаю правильного папашу. Но в душе горжусь своей дочерью. Нельзя позволять глумиться над собой. Ответ всегда должен быть адекватным ситуации. – И говорить надо правильно. Не шумашедшая, а сумасшедшая, – машинально поправляю я, чувствуя зарождающуюся глухую ярость. Мое место на офисной парковке перегорожено какой-то колымагой. Вокруг чертова ведра с болтами мечется начальник охраны, снова не пойми чем занимавшийся раньше. Это уже становится традицией. Неужели так сложно выполнять работу, за которую я ему плачу хорошие деньги.

– Уволен, – рычу я, с силой хлопая дверцей своего джи-

па. Маришка вздрагивает от громкого звука и кривит губки. Вот-вот заревет. Черт, я снова напугал дочь. Она боится вспышек агрессии. Отстегиваю ремни, которыми малышка пристегнута к детскому креслу. Надо учиться держать себя в руках.

– Макар Семенович... – в голосе человека-горы, растерянно глядящего на меня, просительные нотки. Господи, пусть он заткнется. – Ну невозможно уследить. Центр города, люди место ищут, как ошалевшие. Я говорил, что надо барьер поставить.

– И даже получил на это деньги, Игоряша. Но шлагбаума до сих пор нет, а я каждый день не могу оставить проклятую машину на своем месте. Я тебе давал три шанса, как помнишь в том анекдоте про тещу и три предупреждения. Так что не обижайся. Расчет получишь в бухгалтерии, – выплевываю я, подхватывая на руки вполне уже тяжеленькую пятилетнюю девочку.

В кондиционированном воздухе старинного особняка, переделанного мной под офисное здание, слегка прихожу в себя. Стараюсь дышать через нос, так как меня учил мозг-прав. Выходит не ахти, но все равно, я уже не хочу убивать.

– Па, а дядя Игорь теперь как будет денежки зарабатывать? – тихо спрашивает Маришка. – У него же сынок маленький и мама болеет.

Я молча сажаю ее на стул. Плевать я хотел, как этот держиморда будет жить. Новенькая девка вскакивает с офисно-

го кресла. Эти чертовы секретарши меняются у меня, как стекляшки в калейдоскопе, не выдерживают моего характера. Сбегают, или я их увольняю в припадке ярости. Чаще всего второе.

– Это моя дочь. Следи за ней, глаз не спускай. У меня сейчас важное совещание онлайн. Час меня не беспокоить. И еще, принеси мне договор с корейцами Как там тебя?..

– Мила, – черт, и эта лепечет как раненая курица. Все, как под копирку. Через неделю она начнет мне строить глазки, юбки будут становиться все короче и короче, а речь растянутой и невразумительной. Но в данный момент она еще просто не поняла, как себя вести. – Когда вам подать договор?

– Вчера, – ухмыляюсь, глядя на дочь, уже исследующую приемную. Сейчас она похожа на маленького охотничьего сеттера. – Мила, мою дочь зовут Марина.

– Я вас поняла. Марина Макаровна под надежным присмотром, – криво улыбается чертова девка, только что под козырек не берет, слава богу. Я б не вынес такого перформанса. Что за день такой? И няня эта проклятая сломала ногу очень не вовремя. Праздники, я дал выходные прислуге, надеясь, что пятидесятилетняя дама справится с ребенком и сможет сварить дурацкую кашу. Сам я дома не собирался питаться.

– Договор, – рычу я, дергая воротник рубашки, дышать снова нечем.

– Па, все будет хорошо, – улыбается моя девочка, – я про-

слежу. Иди, а то тебя ждут там дядьки эти уже наверное важные. Я порисую и в окно погляжу. Тут красиво.

Маришка раздувает щеки, изображая важняков, и я едва сдерживаю истерический смешок. Слежу за взглядом дочери, устремленным в окно.

Да, красиво, и очень шумно и пафосно. Исторический центр города летом утопает в зелени, но сейчас выглядит весьма уныло.

Я закрываю дверь в свой кабинет и обваливаюсь в кресло, предварительно достав из ящика стола бумажный пакет. Надо привести мысли в порядок. Вспышки немотивированной агрессии стали моими частыми спутниками.

Компьютер мелодично «дзынькает», приглашая меня в конференцию. Навесив на лицо дежурную улыбку, включаюсь в нудную беседу.

– Я не дам вам ответ сегодня, – челюсть уже сводит от приторной улыбки, в голове мутится. Я смотрю в окно, в руках верчу Паркер, с трудом сдерживаясь, чтобы не переломить его пополам, – у нас выходные дни. Без моего юриста и финансового консультанта этот разговор бессмыслен.

– Макар, время уходит. Ты же сам акула. Какие консультанты? Знаешь меня сто лет, а так и не научился доверять.

– Акула – каракула, блин. Вова, я себе-то не всегда доверяю, – больше не скрывая оскала, кривлюсь, как от зубной боли. Движение за окном привлекает мое внимание. Маленькая фигурка в очень знакомой курточке выскакивает на

дорогу, протягивая руки к какой-то мелочи лежащей на асфальте, прямо перед несущейся на нее машиной. В моем горле застревает крик.

– Маришка, – сиплю, на ватных ногах выскакивая из кабинета. Хрен с ним с договором, и с этим зажавшимся хлыщом, Владимиром Гавриловичем, только думающем, как кинуть меня. Давно ли его по имени отчеству стали называть. С тех пор, наверное, как он научился раздувать свои брылястые щеки. Чертова баба, как ее там звать? Стоит в дверях, непонимающе глядит на меня, хлопая уродливыми, похожими на метелки, ресницами.

Я едва не сношу ее. Бегу к выходу, слушая дробный цокот каблучков за своей спиной. Придушу эту дуру потом. Главное, чтобы моя дочь была цела, только бы моя девочка не пострадала.

– Макар Семенович, я на секунду...

Расталкиваю собравшихся как стервятники на падаль, зевак и закрываю глаза, боясь увидеть самое страшное.

– Папа, – господи, спасибо тебе. Дочь бросается ко мне, прижимая к груди маленький, пищаний, грязный меховой комочек. – Папочка, я его спасла.

Перевожу взгляд на кучу тряпья, валяющуюся на дороге, перед уродливой машиной, именно той, что перекрыла мое место и понимаю, что из этого вороха недорогой одежды торчат обутые в легкие сапожки, ноги. Белые колготки лишь подчеркивают неидеальности и полноту конечностей.

Трогательная белая шапка отброшенная в сторону, вымазана грязью, и кажется оскверненной.

– Я побежала спасать Капитана Америку, я же супердевочка, – зачастила малышка, поглаживая по голове маленького кабысдоха, у которого кажется уже есть имя. Даже и не понял я кто это – песик, котенок. Потом разберусь, что за блоховозку подобрала моя дочь. Выкину к чертовой бабушке. Только заразы в доме нам не хватало. – А тут... Короче, меня спасла супергероиха. Прилетела прямо, представляешь. У нее были белые крылья и еще она очень сильная. Остановила машину.

Я слушаю дочь, рассеяно рассматривая бледное лицо спасительницы, которую готов на руках переть до больницы. И я ведь видел ее где-то, очень давно. И лицо у нее такое, которые со временем стираются из памяти, и ты не можешь вспомнить, при каких обстоятельствах вы познакомились. Тонкая струйка крови стекает с уголка ее губ, похожих на бледно розовый бант. Она некрасивая, полная, какая-то неухоженная. Но я ее знаю. Такое ощущение, что целую жизнь.

– Макар Семенович, я на секунду отошла за договором, – блеет за спиной чертова дура. – Вы же мне приказали.

– Пошла к черту, – рычу я, падая на колени перед суперженщиной. Мне страшно. Я хочу, чтобы она ожила. – Уволена.

– Па, ты всех уволил сегодня, – шепчет Маришка, ведя

пальчиками по бледной щеке женщины. – Это неправильно. Тетя Мила совсем не виновата. Она работала свою работу.

– Жива, – говорю сам себе и поднимаюсь на ноги. – Скорою вызови, быстро, – приказываю хлюпающей носом Миле. Она тут же бросается исполнять, судя по противно булькающим звукам набора в смартфоне. Народу вокруг толпа. Но отчего-то никто даже не подумал позвонить медикам. Уроды.

– Эй, мужик, эта мразота машину мне помяла, кто будет платить? Жирная лошадь. Вылетела, как будто ей соли на хвост... – молодой щенок надвигается на раненую женщину, и я вижу в его руках монтировку. На глаза падает красная пелена. – Не можете за личинкой своей уследить, не плодитесь. Уроды.

Рука действует отдельно от разума. Я слышу хруст ломающегося хряща, костяшки обжигает болью. Если сейчас меня никто не остановит, я переступлю черту. Я это знаю. Чувствую. Ярость в мозгу сверкает и переливается всеми цветами радуги. Этот подонок, валяющийся сейчас в грязи, судя по одежде и повадкам, обыкновенный мажор. Ему не жалко ни женщину, которая лежит словно сломанная кукла, ни девочку, которая скулит на одной ноте от страха. Папин-мамин сын, воспитанный на жирных сливочках, тряпках из бутиков и уверенности в собственной неприкосновенности.

– Машину пожалел, – улыбаюсь я уголком губ, и понимаю, что выгляжу сейчас как Ганнибал Лектер. – А знаешь, стрем-

ная у тебя тачка. Ты же знаешь, дружок, что тут нельзя гонять на уродливых корытах?

Кивает, глядя расширившимися глазами на монтировку, поднятую мной с земли монтировку. Надо же, он быстро ползает оказывается. Теряю интерес, и не двигаюсь даже слыша рев мотора. Подонок сбегает, но я его найду.

Тихий стон, полный боли остужает меня. Я с силой бросаю свое оружие в лобовое стекло спортивного седана и теряю интерес к ублюдку. Женщина наконец открывает глаза. Я склоняюсь к ней и едва сдерживаю рык. Она смотрит на меня глазами цвета изумрудов. Невозможными глазами, которых не существует в природе.

Глава 2

Вера

– У вас глаза моей дочери.

Я размыкаю веки, и хочу снова зажмуриться. Мечтаю провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть лицо склонившегося ко мне мужчины. Куда я снова влезла?

– Если это подкат, то вы грязный извращенец, – ухмыляюсь, и тут же морщусь от боли в разбитой губе. Выгляжу наверное бомбически сейчас. Судя по ощущениям, сейчас я похожа на мисс Клювдию из мультика про уток. Хотя, головой-то я видать приложилась. Какая разница, что подумает обо мне странный мужик, осматривающий мое распластавшееся по асфальту, не худенькое отнюдь, тело? Интересно, красавчик видел меня в роли свадебной куклы на капоте? Черт, да не интересно мне это. Я опоздаю в ресторан и Валька меня освежает. Так что мне сейчас гораздо интереснее сколько времени я провалялась на ледяном асфальте под пристальным взглядом этого извращуги? Еще часа четыре до встречи с подругами у меня есть. Успею добежать до канадской границы. Черт, о чем я думаю? Я же вытолкнула из-под колес ребенка. И где он сейчас, точнее она – малышка с

маленьким зверьком в руках. Неужели?.. – Девочка, где девочка? С ней все в порядке?

– Было бы странно подкатывать к полумертвой женщине. Я конечно извращенец, но не до такой степени. Да и ваши колготки не будят во мне фантазий. Разве что шапка... – ухмылка, как у чеширского кота, какая-то абсолютно дикая, повисает в воздухе, постепенно тая. Надо же, шутник. – Не дергайтесь. Сейчас приедет «скорая», вдруг у вас внутреннее повреждение, – приказ в голосе мужика, отчего-то, приводит меня в ярость.

– Вам-то какое до этого дело? – пыхчу, пытаюсь собрать конечности в кучу.

– Папа просто переживает, – детский голосок взрывает пространство, и я чувствую, как меня отпускает лютый страх. – Ты супергероиха, ведь правда? А папа сказал, что супергероих не бывает, зато полно толстых...

– Маришка, замолчи, – стонет мужчина, и я наконец-то могу его рассмотреть. Небритый, похожий на медведя, глаза уставшие, больные. И копна растрепанных темных волос, судя по всему ранее, аккуратно уложенных, но теперь топорщащихся во все стороны, как «взрыв на макаронной фабрике».

– Вы спасли мою дочь. И я не могу позволить вам вести себя безрассудно, – надо же, не может он. Значит называть меня толстой может, а позволить вести себя неподобающе канонам и благоразумию не имеет возможности. Наглый, на-

хальный, самоуверенный мерзавец, считающий себя хозяином жизни. Это все написано на, словно выточенной из камня, физиономии. И как только у него получилось стать отцом такой красивой малышки? Сам-то похож на дикого вепря. Смотрю на девочку и чувствую, что сердце пропускает удары. Моя дочь сейчас такой бы могла быть.

– У вас просто шок. Сознание не теряют без причины, – продолжает занудничать мой новый знакомый. Не объяснять же ему, что эта оказия всегда со мной случается в моменты сильных душевных волнений, выплеска адреналина в кровь и страха. С детства мама таскала меня по врачам, считая припадочной. И болит у меня сейчас только часть организма, чуть ниже спины, на которую пришелся основной удар. Но моя подушка безопасности вполне способна вынести и более сильные потрясения.

– Шок у вас, судя по всему, – парирую я, не понимая почему вредничаю и стараюсь вывести из себя такого заботливого кавалера. И почему мне страшно хочется сбежать? Может потому, что маленькая девочка, стоящая рядом с медведем будит страшные воспоминания о моей потере? И они больнее, чем травмы полученные в этом происшествии, и гораздо глубже.

У меня наконец – то получается подняться на ноги, и мир вокруг начинает раскручиваться, словно огромная карусель. Делаю шаг, и понимаю, что сейчас свалюсь снова к дорогим бареткам красавчика, и тем самым подтверждаю его правоту.

Только не это. Валька как в воду смотрела, про трамвай-то. Сейчас у меня ощущение, что я все же сыграла в Анну Каренину. Сильные руки подхватывают, не дают рухнуть. По телу разливается приятное тепло. Черт, да что ж такое? Мужик прав, у меня шоковое состояние. Иначе чем объяснить помутнение рассудка? Его прикосновения приводят в чувство, заставляют дышать. Как раз в этот момент я слышу вой сирены скорой помощи. А потом все заканчивается. И я чувствую спиной только ледяное покрытие носилок, и словно сквозь вату слышу обрывки фраз.

– В какую больницу повезете? – спрашивает наглый хам.

– На Революционной.

– Здесь думаю хватит на то, чтобы обеспечить женщине нормальные условия.

– Еще как, командир, – отвечает невидимка. Наверное фельдшер со скорой.

– Я навещу вас, – это хам шепчет уже мне. – Вы мне жизнь сегодня спасли. Дочь – все, что у меня есть.

– А у меня нету, никого и ничего. И вы мне не нужны, – выдыхаю в пространство и вдруг вспоминаю. Я его видела. Давно, в другой жизни. И тогда на его лице были написаны гордость, торжество и безграничное счастье. Я стояла на пороге роддома пять лет назад, боясь, что потеряю связь с планетой и улечу в космос. Наверное поэтому и запомнила отца с охапкой цветов, красивую, но злую женщину и пищащий сверток в руках детской медсестры. Врезался мне в па-

мать, но сейчас он мало похож на себя прежнего. Морщинки в уголках губ, потухшие глаза его изменили не в лучшую сторону. Странная штука жизнь. – Не приходите. Не затрудняйте себя. Я ничего особенного не сделала. И вы не должны мне ничего. Это просто нормальный человеческий инстинкт. И на вашем месте я бы не размахивала монтировкой на глазах у дочери.

Я и вправду не хочу его видеть, и малышку не хочу. Слишком болезненные воспоминания. Слишком страшная встреча. Все слишком, чересчур.

– Вы не на моем месте, – рычит вепрь.

Он прав. Я никогда не буду на его месте. Потому что у меня нет того, что имеет он.

– Конечно, – соглашаюсь. Потому что спорить с зазнайкой глупо, да и в принципе он недалек от истины, – поэтому просто скажите, сколько сейчас времени?

– Станный вопрос, – хмыкает мой собеседник. – К четырем уже подходит. Вы торопитесь?

Я закатываю глаза. Времени до встречи с подругами почти не осталось. Правда больница, в которую меня собираются взять находится в двух шагах от дома. Эх. Не светят мне сегодня обновки. Придется надевать платье, в котором я ходила на Мойвино дефиле. Девчонки меня четвертуют.

– Только попробуйте сбежать! – нахальный голос выдергивает меня из моих мыслей. Он смотрит на мой мыслительный процесс, насмешливо приподняв бровь. Или у меня на

физиономии написано, что я не собираюсь прохладиться на больничной койке. – Я вас все равно найду, и выдеру как сидорову козу.

– Ну что вы, – хлопаю я ресничками, пытаюсь принять вид невинной овцы. Найдет он меня, как же. Самоуверенный хлыщ. – Буду лежать, как привязанная, пить кисель больничный и вспоминать нашу встречу.

– А вы язва, – кривится он, и от этого становится более человечным, что ли.

– Я стараюсь, – награждаю его и малышку, которую этот странный мужчина нежно прижимает к себе, прощальным взглядом, прежде чем двери автомобиля с лязгом захлопываются. Надеюсь, что больше я их не увижу. Эта маленькая куколка прекрасна, но она не моя. Не моя.

Глава 3

Макар Ярцев

Голова гудит как корабельный колокол, когда я наконец прихожу в себя. Маришка рисует своих любимых сверхсуществ, высунув язык, кажется на договоре с корейцами. Странно, обычно девочки любят принцесс и единорогов. А у моей дочери какой-то сбой в системе. Мелкий шерстяной уродец ползает по моему столу, и судя по лужице на дорогой древесине, уже чувствует себя хозяином если не жизни, то положения. Баловень судьбы, блин.

– Я отвезу тебя к бабушке, – проталкиваю слова сквозь пересохшие связки, проклиная себя за малодушие. Но мне срочно нужно расслабиться, иначе мой мир грозит взорваться.

– Только не к ней, – глаза малышки наполняются слезами, и маска тканая начинает покрываться мокрыми пятнами. – Папочка, пожалуйста. Я больше не буду без разрешения спасать несчастных. Только не отвози меня к Виолетте. Я ее боюсь.

– Бабушка тебя любит, – сам не верю в свои слова. Но надо же что-то сказать, оправдать свое предательство. – И

скачает по тебе.

Она прижимает притихшего зверя к себе, черт это же котенок. Только очень худой, еще не открывший подернутые мутной пленочкой глаза и скорее всего блохастый. И этот мелкий уродец видимо чувствует, что его спасительнице плохо. Начинает тихо хрипло рыдать в тон со всхлипывающей Маришкой.

– Нет, она меня ненавидит. Кормит кашей с комками и тушеными овощами. Заставляет читать большую книгу, в которой я ничего не понимаю, и спать под простыней. А знаешь как холодно? И Капитана Всесильного она выкинет, потому что он может описать ее ковер, по которому даже мне нельзя ходить, – шепчет доченька. А я понимаю, что мне придется теперь уживаться с усатым-полосатым. Ну не смогу я отобрать у дочери эту паршивую радость.

– Он же вроде Капитаном Америкой был? – ухмыляюсь, пытаюсь рассмотреть цвет мурлыки.

– Я передумала. Мы же в России живем. У нас героев по-другому зовут. А Всесильный подходит. И супергероихе он понравится, точно. Мы же ее не бросим? Она показалась мне страшно грустной.

– Ей просто было больно, – морщусь, вспоминая толстуху, и снова гоню прочь от себя мысли о глазах чертовой бабы. Странное совпадение.

– А супергероев лечат астероидной пылью, я знаю. В больнице есть такая? – интересуется Маришка. Господи, откуда

в ее маленькой головке столько космического мусора? Ей бы о куклах думать, нарядах всяких.

– Не вытирай нос рукавом, – дрянной из меня воспитатель, но все же. И отец дурной. Не оправдал я... Так чего хочешь от маленькой девочки? – Я его отвезу к ветеринару. Завтра заберем. Лишаев нам не хватало и блох в доме. Мариш, у меня дела есть. Да и супергероиху надо навестить. Она же тебя спасла. А маленьким девочкам нечего собирать заразу по больницам. Детка, завтра утром я тебя заберу. И мы целый день будем вместе.

Я вдруг снова вспоминаю взгляд спасительницы и чувствую, что схожу с ума. Страх сверхъестественный, ничем не подтвержденный, выкручивает душу, как рваную тряпку. Мне кажется, что моя жизнь делает какой-то головокружительный кульбит. И к чему он меня приведет – неизвестно.

– Правда? Обещаешь? – недоверчиво спрашивает Маринка, вжимаясь в меня своим маленьким хрупким тельцем. Сердце заходится от жалости и чувства вины. Она уже не верит мне. И правильно делает.

– Обещаю, – выдыхаю я в растрепанную, курчавую, рыжую макушку. – Но сначала завезем кота в клинику. Твой Всесильный сейчас скорее Паршивый.

– Ура! – маленьким рыжим зайчонком подскакивает моя дочь, прощая мне все мои грехи сразу и безоговорочно.

Мать недовольна. Мы стоим на пороге, купленной мною, огромной квартиры, словно нищие побирушки. И даже я

чувствую, что не хочу переступить порог этой лощенной, но абсолютно ледяной берлоги. Матушка любит стиль «Версаль». После получасового пребывания в золоченой красотище, у меня начинает сводить зубы. Маришка не похожая на себя, сидит на краешке плюшевого трона и боится шелохнуться. Может схватить ее в охапку и слинять, роняя лоферы?

– Макар, девчонка опять одета, как нищенка, – кривит губы маман. Интересно, как быстро она забыла, в чем ходила лет десять назад на работу в супермаркет. – Мари, спина должна быть ровной.

– Мама, ей всего пять, – тру подбородок, это высшая степень дискомфорта. – Она не должна сидеть, словно проглотила аршин.

– Она должна делать то, что ей говорят старшие, – клокочет мамуля. Я чувствую приближение мигрени и гляжу на часы, ища предлог скорее сбежать.

– Ты торопишься? Куда интересно?

– Меня ждет деловой партнер, – лгу. Ждет меня Борька. Он ждет меня в пафосной харчевне, хозяином которой является, для того, чтобы реанимировать и оживить. Но не рассказывать же мамуле, что сегодня я собираюсь погрязнуть в грехах. С башкой окунуться в адский чан, чтобы отключиться от этой чертовой действительности.

– Папа поедет в больницу, – пищит Маришка. – К супергероихе. Она меня спасла. И капитана Всесильного тоже. А

папа теперь боится, что она свалит...

– Фу, Марина, что за выражения? Ты, отец. Твоя дочь разговаривает как биндюжник... – Переводит на меня полный негодования взгляд. – И почему, интересно, ты мчишь сломя голову к незнакомой бабе, а помочь брату родному для тебя просто нож острый? Гоша просто немного запутался, это не повод его отталкивать.

Морщусь, мать опять села на любимого конька. Игоречек, ее любимый сын, за которого она готова голову сунуть в огонь. И при этом она абсолютно слепа. Маленький мальчик вырос в поганца, совершенно слетевшего с тормозов.

– Может потому, что твой любезный Игорек игрок. И просаживает все, сколько ему не дай в подпольных игровых залах? Мама, открой глаза. Я больше не намереваюсь потакать нездоровым пристрастиям обнаглевшего великовозрастного тунеядца. Все, что он от меня получил, должен возместить. Расписки в сейфе, так что...

– Ты брал с родного брата расписки?

Мать приподнимает бровь, но я не даю ей даже шанса. Вскакиваю с насиженного места. Бежать надо не оглядываясь, заткнув уши, чтобы не слышать.

– Я не договорила, – несется мне в спину матушкин крик, похожий на визг циркулярки. Черт. Я снова зацепил ее любимчика, и этого она мне быстро не простит. Бедная Маришка. Завтра отвезу ее в самый дорогой магазин игрушек. Искупать вину покупками непедагогично. Но если я сейчас не

передохну, то просто взорвусь.

Перевожу дух уже в машине. Откидываюсь на сиденье и глубоко дышу. Голова начинает кружиться от переизбытка кислорода.

Через десять минут я стою у стойки больничной регистратуры и пытаюсь не задохнуться... Все больницы пахнут одинаково – безысходностью, хлоркой и поганой жратвой. Хочется заткнуть нос платком и бежать из этой юдоли скорби.

– Как это ушла? – рычу я в окошко. Медсестра смотрит на меня как на огнедышащего ящера. Я наверное сейчас и похож на тираннозавра.

– Ногами. Написала отказ и фьють, – хмыкает бабища, явно закаленная в боях с пациентами и их родственниками. – Да нормально все с девкой. Ушиб небольшой на заднице, и губа разбита, делов-то. Завтра козой уже скакать будет. Повезло бабе.

– Адрес есть ее?

– Э нет, красавчик. Это закрытая информация. Лишаться работы я не намерена.

– А так? – интересуюсь голосом змея-искусителя, выкладывая перед цербершей крупную купюру.

– Фантик прибери за собой, красавчик. Адрес ему. Может еще вареньем кой-чего намазать? Нет, Клав, ты видела, – орет она куда-то в недра закутка за ее спиной.

Окошко перед моей физиономией захлопывается с такой силой, что я чувствую себя дураком, впервые залезшим на

карусель. Аж щеки раздувает от потока сквозняка, вызванного противной бабой. Жалею, что не ношу в кармане бумажный пакет. Помогает он, конечно плохо, но все же справляется с желаниями стереть все с лица земли. Эта дура из регистратуры не понимает, что находится на волосок от моей, раздирающей душу, ярости. И что еще немного, и уродской больницы я не оставлю камня на камне, если не справлюсь с собой.

Слава богу, в кармане оживет мобильный. Я дышу через нос, пока роюсь в его поисках.

– Ну, и где ты? – слышу голос Борьки, заглушаемый музыкой. – Мы с Федюнчиком задолбались ждать.

– Еду, – хриплю я. Что ж, в конце-концов, на черта мне сдалась эта толстая дура? Я сделал все, что мог: заплатил за нормальное к ней обращение медикам, отправил пострадавшую в больницу. Думаю, что этого достаточно. Она сказала, что ей не нужны мои благодарности, ну и прекрасно. Баба с возу, кобыле легче. Плевать мне на постороннюю толстуху, и на глаза ее, и на дурацкие конечности в белых колготках. Плевать.

Вера

– Ты реально ползла? – интересуется Инка, прищурившись как недовольная кошка. – Мы полчаса на винирах жалостные песни тут исполняем, с голодухи. А она является в

платье из старой коллекции, с содранными коленями, и прической в стиле «Поцелуй меня с разбегу, я за деревом стою». Садись давай, пока я не начала убивать.

Я уже жалею, что пришла. Капроновые чулки еще наде- ла. Но это только от того, что не смогла натянуть на постра- давшую часть тела даже нормальных трусов, не говоря уж о колготках. «Подушка безопасности» болит нещадно. Зерка- ло в стенном шкафу моей квартиры аж зазвенело, когда я показывала ему огромный сине-черный синяк на филе. Но не объяснять же подругам, что я не могу даже на стул нор- мально сесть. И хочется мне сейчас сказать «Нет, спасибо, я пэшком пастаю», в стиле горячего грузина, влюбленного в «Ларысу Иванавну», а не есть и уж тем более не танцевать и горланить в караоке песню про Императрицу, на что явно настроились зырящие на меня в шесть глаз полуграции. И что уж греха таить, делать попой опа-опа я смогу не раньше чем через месяц, по моим прикидкам.

– А с губой что? – в голосе Мойвы столько любопытства, что я хихикаю.

– А на что похоже, по-твоему?

– По-моему, это похоже на засос, или укус горячего мачо. И колени содранные твои просто орут о том, что кто-то пре- кратил целибат и пустился во все тяжкие. Признавайся, кто он, или запытаем, – хмыкает Валька, но ее глаза остаются серьезными.

Но я уже не слушаю разошедшихся подруг, а смотрю на

идущего через зал ресторана мужчину. Он меня выследил что ли? Что он там обещал со мной сделать?

– Ярцев пришел, – шипит Валька, в мгновение ока превращаясь в Валентайн: глазки с поволокой, манерно отставленная ножка, уголок губы прикушен. Черт. Она выходит на охоту. И на кого? Нестерпимого дурака, у которого из хорошего только маленькая доченька. – Он смотрит? Смотрит? Ну, Верка, у тебя же обзор лучше.

– Не смотрит, – вредно бурчу я, рассматривая своего недавнего знакомца, целеустремленно шагающего в сторону вип-зоны ресторана. Нет, он не глядит по сторонам, и это внушает небольшую надежду, что мы не столкнемся. Хотя. Зная моих подружек. К концу вечера нас не заметит только ленивый, или уж совсем слепой калека, случайно забредший в эту обитель порока. А еще мне отчего-то очень не нравится, что наглая моя подруженька расставляет сети на этого зверя, и пялится во все глаза на мужской зад, облизываясь при этом, как лиса вылезшая из курятника. Голова начинает кружиться.

– Оооо, – по округлившимся глазам Мойвы, наливающимся безумием, можно судить о степени восторга.

– А кто он? – наконец собравшись с духом, спрашиваю я, стараясь не выглядеть особо заинтересованно. Но на самом деле мне хочется выхватить у Инки из рук стакан с каким-то пойлом и жадно его вылебать.

– Ярцев? – Мойва смотрит на меня, как Ленин на за-

жравшуюся буржуазию, явно прикидывая степень моей тупости. – Влажная мечта всех не блаженных баб нашего небольшого городишки. Правда говорят, что он жуткий козлина, и ядовитая злюка. Но я б его облизала, пусть мне бы плохо стало.

– Я бы тоже, – куртуазно пыхтит Валька поправляя свои три волосины, взбитые в пышную прическу руками умелого парикмахера, а я смотрю на стакан в руке Мама-козы. И уже не хочу пить, зато хочу дать по башке стеклотарой озабоченным нахалкам. Хотя, что он мне этот злой синьор-помидор? Какое мне дело, с кем и где он будет проводить сегодняшнюю ночь?

– Хорошо, что я замужем за Бусиком, и мне не надо больше выпускать из задницы радужный хвост, чтобы сразить харизмой самца тестикулоносца, – ухмыляется Инна. – И потом, вам слишком калорийным покажется этот сладкий аленький цветочек, подруги мои ненаглядные. Об Ярцева зубки сломать, что пописать сходить. Андестенд? Уж поверьте, я такого наслушалась от жен Бусиковых компаньонов про этого шоколадного зайку, волосы в жилах стынут. Под красивой фольгой, которую Мойва в детстве разглаживала и копила со страстью помоечного кротишки, кроется атомный монстр.

– Кровь.

– Что? – вскинула ясны очи Мама-Коза.

– Кровь только может в жилах стыть, – поправила я ма-

шинально и тут же решила перевести опасную тему. Ярцев – красивая фамилия. И сам он... Господи. Что происходит? Наверное все же зря я сбежала из клиники, не дождавшись МРТ головы. – Инна, что ты пьешь?

– Это смузи из зеленых овощей и семян чиа. Мне его мой гуру посоветовал, – фыркнула Мама-коза, забрызгав мое платье из старой коллекции гадостью, похожей на сопли.

– Ага, а гуру зовут Вовка Рябинкин, – заржала было Валька, но вдруг захлебнулась смехом и подозрительно посмотрела в сторону моей персоны, аккуратно примостившейся на краешке шикарного мягкого стула. – Так, погоди. Верка переводит стрелки только... Ооооо. ООООО.

Я, стараясь не отвести взгляд, уставилась Валюшке в переносицу, Но поймать меня на вранье – раз плюнуть. Не умею я врать от слова совсем.

– Вы же знакомы, да детка? И поэтому ты боялась повернуться в сторону этого хлыща? Не стоит притворяться косой debilкой, я тебя насквозь вижу.

– Так это Ярцев тебя так укатал? – задохнулась Мойва, от пронзившей ее, бесконечно умной догадки.

– Это было шапочное знакомство, – хныкнула я, понимая, что вечер перестает быть томным. – И видеться с ним я больше не желаю.

– И поэтому ты не можешь сидеть полной грудью? – шурится Инка. Надо же, наблюдательная какая.

– Нет, не поэтому. И болит у меня не в груди, а существен-

но ниже. Меня сбила машина, похожая на танк, а не то что вы подумали, – мой голос звенит от злости, и обиды и еще кучи чувств, вдруг превративших мою и без того расшатанную нервную систему в драную сетку от комаров. А еще жутко бесит Мойва, таращащая свои глазища и дергающая тонкой шейкой. – И не надо кривляться и строить физиономии, Катька, потому что я не желаю больше видеть этого сноба, даже мельком, который обещал мне надрать задницу. Ясно?

– И надеру, – раздается у меня за спиной насмешливый голос, от чего сердце проваливается куда-то в район левой коленки. – кстати, танком меня еще не звали. Я польщен.

Глава 4

Макар Ярцев

От завываний безголосой бабищи на сцене у меня начинается морская болезнь, едва я переступаю порог дорогой жральни. И чучело скалящегося косолапого, на входе в «Берлогу» вызывает во мне чувство омерзения, колыхающееся как медуза в банке. Вкус у Борьки специфический. Полагаю, он в восторге от своей креативной смекалки.

– Макар Семенович, – бросается мне навстречу вымуштрованная как солдатик администратор Аллочка. Ее каблук настолько головокружителен, что кажется симпатичные ноги цепкой бабенки вот-вот подломятся. – Борис Маркович давно ждет.

Ухмыляюсь. Тоже мне барин Борька. Бросаю пальто в тонкую ручонку Аллы.

– Я провожу, – ровно говорит она.

– Я помню дорогу, куколка, – моя ухмылка больше похожа на оскал застывшего бурого чучела, застывшего посреди фойе ресторана. На хрена я приперся сюда? Отдохнуть в вертепе – не самая лучшая мысль. И эта чертова толстуха никак не идет из головы, словно навязанная чертом. Хотя,

ангелов-хранителей наверное посылают иные силы.

– Наконец-то, – поднимается мне навстречу человек-гора, распахивая в стороны ручищи для объятий.

– Боря, ты же знаешь, я не люблю тактильных контактов, – сдавленно рычу, стараясь вырваться из захвата друга.

– Его это никогда не останавливало, – сидящий в углу стола Федор похож на измученного воробья. Он изменился, конечно, за те пять лет, что я его знаю: заматерел, обзавёлся брюшком, дорогими тряпками и очками в золотой оправе от известной фирмы. И ему бы уже можно не работать ночами, но крестный моей дочери словно замаливает какие-то грехи, фанатично продолжая помогать младенцам увидеть мир в клинике, построенной на мои деньги. – Здравствуй, Макар.

– Фазан стынет, – ревет Борька, – ну что, будем играть сегодня? Выбираем жертву.

Фазан жесткий и безвкусный. Я жую плохо приготовленную птицу, и совершенно не понимаю, зачем пришел. Игра Борьки давно не будоражит, ставки все выше. И я знаю, на что сейчас нацелился «добрячок» Борис Маркович. Ухмыляюсь своим мыслям, что не укрывается от внимания Федора. Он лишь кривит губы, но мысли в его голове сходны с моими.

– Кстати, Игорь заезжал, – словно невзначай бросает Борис. Огненная волна ярости прошивает тело. – Играть хотел в долг. Знаешь, братишка, аппетиты твоего братца весьма недурны.

– Ты позволил?

– А должен был? Он и так торчит мне столько, что даже распродай я его на органы не покрою расходов, – хохочет Борька так, что звенит стекло, отделяющее вип-зону и общий зал ресторана. – Да шучу я. Больше в зал его не пустят. Но сегодня и мы не будим шпилить в карты. У меня предложение поинтереснее. Сегодня ресторан полон. А значит открываем охоту.

Я непонимающе смотрю на массовика-затейника. Что он еще задумал? Фантазия у него с детства какая-то извращенная.

– Твоя очередь сегодня, Макар. Федька в прошлый раз играл. Продул вчистую, кстати. Жаль тебя не было тогда.

– Правила? – приподнимаю бровь. Вечер становится интересным. В крови бурлит странное возбуждение, выжигающее из памяти супергероику. То что нужно.

– Игра вслепую. Сначала ставки. Потом условия, – ухмыляется Боб.

– Согласен. – словно черт дергает меня за язык. Веселиться, так веселиться. Чего уж? Хотя Борюсиковы фантазии далеко не всегда безопасны и безобидны. Но он может себе это позволить.

– Твой Алмаз, против моей тачки, – глаза поганца возбужденно блестят.

– Бобик, я ведь вроде не давал повода думать, что я олигофрен? – смотрю в упор на лоснящееся лицо друга, кото-

рый уже, видимо, загоняет в свой вольер моего любимого племенного абиссинца. Он давно положил глаз на жеребца, я-то знаю. – Ставки неравнозначные.

– Что хочешь? Долг твоего брата спишу вчистую.

– Гогена, висящего в твоём кабинете, – протягиваю руку, чтобы скрепить сделку, и вижу нерешительность, написанную на физиономии спорщика. – Поганец Игорек меня не интересуется.

– Давай, Боря, не дрожи рукой. – вдруг подает голос Федор. Впервые наверное в жизни он не сидит безучастно. – Это же не душа, в конце-концов. Хотя, они, наши души давно уже заложены. Моя уж точно, – задумчиво, словно про себя заканчивает он. Философ комнатный, блин.

– А теперь правила, – разжимаю я пальцы, все еще чувствующие чужое пожатие.

– Неделя. Случайно выбранная мной баба. И полная свобода действий. Правил никаких.

– Что я должен сделать? – затея Бори меня начинает напрягать. – Не убить же несчастную? Если так, то Алмаз твой.

– Так неинтересно, – рычит Борис Маркович, – Убивать не надо. Она сама должна будет пожертвовать собой, ради тебя. Это будет доказательством.

– Доказательством чего? – в голове мутится, как после недельного загула.

– Влюби в себя дуру за неделю. И еще. Все это время она должна жить в твоём доме, не знаю как ты заманишь кури-

цу. Можешь вырубить, украсть. Запугать – возможности безграничны, ни в чем себе не отказывай. Федюнчик, вон, не смог заманить красавицу. Хватило трех дней, чтобы он задрал лапки вверх.

– Это дурацкое пари, Борь. Бабы вешаются на меня гроздьями. Их любовь огромна и бесконечна. А еще она безусловна. Потому, что это чувство не ко мне, а к деньгам и положению, которые я могу им дать. – Мне становится смешно до одури. – Ты ведь проиграешь. Я готов. Выбирай жертву.

– Вон та, толстая. С глазами больной собачки. Более некрасивых чем эта, тут нет, – ухмыляется Борька, указывая глазами через дымно-мутное стекло на столик в глубине зала, над которым тут же вспыхивает тусклая лампочка. Кабинет зоны Борьки сделан так, что мы можем наблюдать за тем, что творится в зале, а посетители за нами нет. – Если через семь дней страшилище бросится за тобой в огонь, считай ты выиграл. Отказаться можешь в любой момент. Но Алмаз мой в этом случае. Рукопожатия достаточно, конечно, я тебе верю, но есть еще запись камер наблюдения.

Надо наверное пересмотреть мое мировоззрение. Таких друзей за хобот да в Третьяковку. Думаю, что звание моего близкого приятеля Боря лишится сразу, как только безумие войдет в завершающую стадию. И чертову незнакомую бабу мне даже жаль.

Пропускаю последние слова Бориса мимо ушей, потому что не могу даже дышать, глядя на женщину, указанную ста-

рым другом. Федор тоже не сводит глаз с закланной овцы, и его бледность кажется мне пугающей.

– Только не она, – шепчет доктор. – Ты специально? Ты больной ублюдок. Не может бомба попасть два раза в одну воронку.

– Вы знакомы? – спрашиваю я, борясь с тошнотой. Кажется, что я участвую в постановке театра абсурда.

– Нет, нет, – шепчет Федька. Врет. Все подстроено, и эта толстая не случайно сегодня оказалась возле моего офиса. Надо же, решили меня развести. Я же вижу, как смотрит на дурнушку мой кум.

Повеселился, мать их.

– Да пошел ты, – рычу злобно, чувствуя себя шакалом унюхавшим кровь и страх и резко встаю с мягкого кресла. – Баба влюбится в меня. Готовь полотно. И если я узнаю, что вы меня решили развести, Боря, не посмотрю, что мы друзья. Ты понял?

Злость бурлит и клокочет, когда я выхожу в воняющий ароматизаторами общий зал. Чертова баба сидит ко мне спиной, вся изогнувшись буквой зю. Что ж, начинаем игру, детка.

Вера

Мне кажется, что если я обернусь на голос и посмотрю на говорящего, то превращусь в каменную статую. Жертва Ме-

дуза Горгона. Смешно. В теле звенит каждый нерв, каждая мышца. А еще чертово эластичное кружево на моей ляжке предательски скручивается бубликом. И это означает только одно – я снова опозорюсь.

– Потанцуем? – глупо шепчу я, резко разворачиваясь. Шепчу куда-то в широкую грудь, обтянутую прекрасной белой тканью, боясь поднять глаза выше, чтобы не встретиться взглядом с насмешливыми ружейными дулами.

– Я только пою, Супергероиха, – мурлычет этот огромный кот, глуша все посторонние звуки вокруг. – И, кстати, обычно чулки с женщин в моем присутствии падают быстрее. Ты выбиваешься из графика.

– Хам, – наконец-то сбрасываю с себя первое оцепенение. Он ловит мою руку возле своей щеки, когда я уже зажмуриваюсь в предвкушении звонкого шлепка.

– Терпеть не могу, когда меня колотят по физиономии, – хрипит он, склонившись ко мне настолько близко, что я чувствую горячее дыхание. Проклятый чулок болтается уже где-то на щиколотке. И где мои подружки, интересно? Почему не спешат спасти меня? Я вдруг осознаю, что мы двигаемся в унисон с Ярцевым, танцуя какой-то странный, хаотичный танец.

– Придется вам смириться. Потому что когда вы наконец меня отпустите, я повторю попытку.

– Как тебя зовут, Супергероиха? – пропустив мимо ушей угрозу, этот нестерпимый мужлан вдруг склоняется к моей

ноге. И я чувствую, как щеки заливают огонь. Его пальцы гладят кожу через тонкий капрон, пока мерзавец натягивает чулок, все выше и выше и выше. Черт. В голове звучит песня про полет наших птиц и про то, что сказка часто становится былью. Нервно хихикнув я дергаюсь, делаю маленький шаг назад, пытаюсь выпутаться из чар.

– Ооооо, – стонет где-то в пространстве одна из подружек. Боже, Мойва, спасибо. Страхиваю остатки странного гипноза.

– Что вы себе позволяете? – еще один рывок и я свободна: от рук, от чар, от глаз этого чертяки.

– Я задал вопрос, – он больше не смеется, и сузившиеся глаза прожигают меня отнюдь не добрым взглядом. – Как тебя зовут? И какого хрена ты шляешься по забегаловкам, вместо того, чтобы лечить свой чертов толстый зад?

– А кто ты такой, чтобы задавать мне эти вопросы? – от такой наглости у меня наконец прорезается голос, и я слышу за спиной одобрительную поддержку подруг, выражающуюся в перешептываниях и похрюкиваниях.

– Правильно, Верка, – Мама-Коза наконец прерывает повисшее в воздухе, трещащее напряжение. – Я бы ему за толстый зад еще наподдала.

– Вера, значит, – кривая ухмылка расцветает на лице, покрытом темной щетиной. Слова моей подруги уходят в молоко. Его совсем не задевая. – А я Макар.

Он приближается резко, и как тюк с мукой, нагло переки-

дывает меня через плечо. Черт, а на мне же стринги. Господи, только бы платье не задралось. Стоп, о чем я думаю, пока этот проклятый захватчик под визги Вальки и Мойвы прет меня к выходу из ресторана, даже не обращая внимания на моих подруг, как на назойливых мух?

– Поставь меня на место, – рычу я в спину наглого подонка.

– Мы полицию вызовем, – слышу неуверенный голос Кэт. И судя по злому сопению Ярцева, он взбешен и сейчас очень опасен. – Верка, Вер...

– Ты нужна моей дочери, – голос Макара дрожит, и теперь похож на раскаты небесного грома. Холод улицы только усугубляет мой страх. Ярцев волочет меня под ночным небом к машине. Крупные снежинки залетают мне в рот, и дышать становится трудно. И хочется орать от ужаса. Но судорогой сведенное горло не позволяет выдать и звука. – Считай, что я тебя нанял нянькой. Или кем там...

– А меня ты забыл спросить? Я работаю. И вообще, давай обсудим все. Поставь меня на землю, – хнычу я, как обиженный воробей.

– Да плевал я на твою работу. Считай, что ты в отпуске, – рычит этот подонок, сваливая меня на заднее сиденье дорожной машины.

– Это похищение, тебя посадят. Подумай о дочери. У нее же наверно мама есть, которая сама прекрасно справляется с воспитанием. Им будет плохо без кормильца, когда тебя

упекут на зону. Ну зачем тебе толстая, глупая, неуклюжая нянька? – все еще на что-то надеясь, взываю я к голосу разума обезумевшего мужика.

– Ты себя недооцениваешь, – шепот заполняет салон машины, – и я тоже недооценил. Вздрагиваю, от звука центрального замка, блокирующего двери. Господи, он же маньяк. Как же меня угораздило? – Даже не думай напасть сзади, – читает мои мысли красавчик-похититель. Мне придется тебя переложить в багажник, а ты без верхней одежды. Ничего, завтра утром я закажу тебе гардероб. Ты любишь шубы?

– Я люблю, когда меня не крадут из ресторана, – фыркаю вредно, чувствуя, как развеивается напряжение. – А шубы я не ношу, и мясо не ем. У меня принципы.

– Принципы – это прекрасно, – он смотрит на меня в зеркало заднего вида, и я не могу понять, что в его глазах: насмешка, презрение или просто интерес. Так глядят на зверушек в зоопарке. Откидываюсь на спинку дорогого сиденья. Говорят, если не можешь ничего предпринять, просто расслабься и получай удовольствие. Рано или поздно бешеная поездочка завершится, и я сбегу.

– У Маришки нет матери. Точнее, она существует где-то, но... Вера, помоги мне, – Макар замолкает на полуслове. И мне вдруг становится его жаль. Этого сильного, богатого, озверевшего хозяина жизни. А еще я вспоминаю глаза маленькой девочки, так похожие на мои, и понимаю, что попа-

лась, как глупая муха в паутину. Боже, какая я дура.

Глава 5

Макар Ярцев

И смотрит она на меня без страха. В ее глазах какая-то боль затаенная, такая глубокая, что кажется я проваливаюсь в бездну. А еще в зеленых омутах я читаю жалость, смятение. Что-то такое непонятное моему разуму. Гремучая смесь женственности, ума и страха.

– Зря я это затеял, – выдыхаю в лобовое стекло, стараясь не смотреть в отражение зеркала заднего вида, транслирующее женский взгляд. – Простите. Я сейчас отвезу вас обратно.

– А ваша дочь? Ей правда так одиноко? – ее тихий голос, звучит неуверенно. Девка будто раздумывает, прежде чем принять сложное решение. Тоже мне, актриса.

– Неужели тебе Боб не сказал? Маришка – ребенок с дефицитом внимания. Да, оказывается счастье ребенку нельзя купить за деньги, – кривлюсь, как от зубной боли. Не хочу верить, что эта толстая телка подсадная. Не знаю почему, но мне ужасно это неприятно. Ну не бывают такие как она лживыми стервами. Это в них не заложено эволюцией. В противном случае она не сможет размножаться. Ну кто позарится

на толстую, не слишком ухоженную бабу не первой свежести, да еще с характером горгульи?

– Боб? – смешно морщит конопатый нос Вера и меня посещает дежавю. Я уже где-то видел это мимическое движение. Совсем недавно. – А кто это?

– Тебе нравится делать из меня дурака? – приподнимаю бровь, чувствуя вскипающую в груди ярость.

– Послушайте, Макар, это вы меня утащили из ресторана, везете черт-те куда, скорее я чувствую себя идиоткой и жертвой. И еще, я страшно замерзла. Вы решили меня убить так изощренно?

Черт, я даже не подумал включить климат-контроль, занятый своим любимым делом – самокопанием, смешанным со злостью.

– Положим, я тебе верю, – резко торможу возле обочины, игнорируя все правила. Плевал я на звуки сигналов разозленных моей резкой остановкой водителей, и на то, что создал аварийную обстановку. Вдыхаю воздух, пахнущий посторонней мне женщиной, и кажется я впервые в жизни дышу по-настоящему. Аромат дурнушки будоражит ноздри, похлеще афродизиаков. Сдираю с себя пиджак, и не чувствую холода в остывшем салоне машины. Она следит за моими действиями испуганно, ежится прижавшись к дверце, и сейчас похожа на нахохлившуюся птичку. И дурацкие чулки ее съехали почти до колен, которые к слову у нее даже красивые: округлые, трогательные и с ямочками.

– Я говорю правду. Я не знаю никого по имени Боб.

– Его зовут Борис. Прикройся, – бросаю Вере пиджак, который она ловит с жадностью заледеневшей тетки и тут же накидывает его на плечи, пытаюсь укутать покрытое гусиной кожей декольте. Салон начинает заполняться прогретым кондиционированным воздухом.

– Я поняла, вы сумасшедший. Кто такой Борис? Или вы все-таки извращенец и везете меня к какому-то своему дружку?

– Скорей всего я просто сумасшедший. Но, Вера, у вас слишком богатые фантазии, извините, вынужден разочаровать. Я не смогу их реализовать, – устало хмыкаю я, растирая переносицу пальцами. – Иначе не стал бы... А, впрочем, Вера, всего неделя. Я заплачу вам за нее два миллиона. Это хорошие деньги, за непыльную работу.

Она смотрит недоверчиво. И я вероятно сейчас и вправду похож на безумца. Алмаз стоит примерно столько же, сколько я предлагаю нестандартному ангелу-хранителю. Правил же нет, так Боря сказал. Так почему бы мне просто не купить эту кобылку, по цене моего племенного жеребца, на которого раскатал губу Борюсик.

– За работу няней вы предлагаете мне такие деньги?

– Да, – вру я, погано кривясь, но она не смотрит мне в лицо и не видит маски демона на нем. О чем-то думает, закусив уголок губы. Сребролюбие не чуждо даже ангелам.

– Я согласна, – наконец-то отвечает эта несчастная. –

Только мне домой надо заехать. Достаточно только денег. Одежду я свою возьму. И еще, у нас с вами только рабочие отношения.

– Вот и умница. Я в тебе даже не сомневался. А по поводу отношений – я столько не выпью. Ты не в моем вкусе, – нервно хихикаю я, нащупывая в кармане разрывающийся вибрацией телефон. Звонит Федор, и я совсем не хочу с ним сейчас разговаривать. Только не сейчас. Меня терзает охотничий азарт, сравнимый разве что с первым заработанным миллиардом. – Главное, что будешь чувствовать ко мне ты, правда же? Ты в меня влюбишься.

– Если только меня будут пытаться, – надо же, вредная какая. Ну, ну. Зубки-то у нее все же есть. Тем интереснее будет игра. – Хотя нет, даже если с меня сдерут живьем шкуру этого не случится. В кого угодно, только не в тебя.

– Только не в меня, говоришь? – хохочу я, и вижу, что она сердится.

Сопит обиженно. Да и пес с ней. Это же не я должен в нее влюбиться, а она в меня. И если мартышка действительно не подсадная, Гоген мой. И два миллиона – это очень недорого, за такое приобретение. А если она все же подстилка Борьки, се ля ви. Все по-честному. Я ее сломаю, даже невзирая на то, что эта чертовка спасла Маришку.

– Говори адрес, – приказываю, уже чувствуя свою власть над глупышкой.

– Чей? – хрипло спрашивает Вера.

– Папы римского. Твой, конечно. Я дам тебе полчаса на сборы. Телефон, планшет компьютер не брать. У тебя будет доступ к домашним гаджетам. Телефонные звонки и интернет, только с моего позволения.

– Это не было оговорено, – протестует Вера. Надо же, а у нее голос есть, да какой. Красивый голос, словно присыпанный песком. И когда она злится, не такая уж и дурнушка. – Вы ставите мне условия, даже не выслушав моих. Не стоит думать, что купили меня.

– Вера, я купил тебя, нравится тебе это или нет, – растягиваю губы в улыбке, но мне отнюдь не весело. Мне уже начинает нравиться эта игра. Она будоражит все рецепторы в организме. – И я тебе не верю.

– Тогда сделки не будет, – ее ноздри раздуваются от злости, а глаза мечут зеленые молнии. Глупенький храбрый ежик. Она еще не понимает, что попала в капкан из которого я ее не выпущу. – Остановите машину. Вы... ты, хочешь доверить мне свою дочь, при этом не веря мне. Больной, ты точно психически нестабилен.

Она дергает ручку дверцы, так остервенело и нервно. Сдувает со лба непослушные пряди волос, выбившиеся из растрепанной прически. Они похожи на медные спиральки, и делают ее еще более смешной и трогательной. Нажимаю на кнопку центрального замка. От неожиданности она вываливается на стылую землю, и тихонько скулит.

– Ты замерзнешь, если тут тебя не подберет какой-нибудь

дальнобой. И поверь, они не такие нежные к полуголым бабам, как я. Кстати говоря, заплатят тебе существенно меньше. Слишком нетоварный у тебя вид.

Выхожу из машины, только для того, чтобы увидеть ее страх. Но она совсем не напугана. Она в ярости. В меня летит грязный кусок льда, подобранный ею с земли. Висок обжигает болью, и мне это даже нравится.

– Подонок. Какой же ты подонок, – больше не сдерживаясь рыдает Вера, и вдруг обмякает. Да, детка. Ярость выжигает. С ней надо срастись, чтобы не было вот таких откатов. – Почему так? Ну почему? За что тебе досталась такая чудесная дочь? Мне нужны те деньги, что ты предложил, чтобы снова стать матерью. Почему вот так – одним все, а другим?..

– Да, я подонок, – подхватываю на руки не сопротивляющуюся больше женщину, содрогающуюся в рыданиях. – Говори адрес. Поедем за твоим хабаром. Позвоним твоим подругам, чтобы не дергались и не делали резких движений. Я так понял ты согласна на все мои условия?

Она, всхлипывая, говорит название улицы, и замолкает. Я ее сломал. Как-то уж слишком быстро. Даже не интересно.

Вера

Этот мужчина зло в чистом виде, завернутый в человеческую кожу, словно невкусная конфета в абсолютно шикарный фантик. И я уже жалею, что решила поддаться искуше-

нию. И теперь боюсь подавиться. Он шагает за мной по ступеням родного подъезда, а мне кажется, что я всхожу на эшафот. И он мой палач. На площадке перед моим этажом света нет. Опять сперли лампочку, видимо. Они пропадают со скоростью света, как бы не смешно это звучало.

– Давай, – слышится из темноты истеричный шепот. Ярцев не успевает среагировать. Мелкая тень кубарем бросается ему в ноги. Любимый прием моих дорогих подруг. Как же я не подумала про них. Девчонки страшнее урагана носящего женское имя. Я смотрю, как он взмахнув руками валится назад, сползает по лестнице вниз, не произнеся при этом ни звука.

– Ты видала, как мы сделали этого подлеца? Вы долго, кстати. Коза вон свалила, не дождалась. Ее Бусик такой скандал закатил. Что мать семейства шарится ночами не пойми где, – радостный голос Вальки похож на вопль индейца, получившего первый приз в соревновании по сдиранию скальпов с бледнолицых. – Мойва – торпеда. А говорила-то «Да не смогу, да навык потеряла. Фря вавилонская». Совесть ты, Катька, потеряла, а не навык. Врешь, как дышишь. А дышишь часто.

– Чуть шею не свернула, блин. Кабан такой, за перила еще цеплялся, – бухтит Кэт. – А она, между прочим дорого стоит у меня, моя шея. В следующий раз твоя очередь, Валюха.

– Не. Мне нельзя. Я в голову не только ем, не то что некоторые, – хихикнула Валька, и замолчала, уставившись на ме-

ня блестящими в темноте глазами. – Верка, ты чего?

– Ничего.

Я холодею от ужаса, слыша яростный рев поверженного титана. Значит жив здоров и невредим мальчик Вася Бородин. И это для нас сейчас смертоубийственно, судя по звукам, несущимся с подножия лестницы.

– Вечер перестает быть томным. У тебя дверь выдержит налет ядерной боеголовки? – поинтересовалась Мойва, выхватывая из моих сведенных судорогой пальцев связку ключей.

Господи, я определенно сошла с ума. Видно мой мозг в момент автоаварии находился не в голове. Хотя, скорее всего в заднице его законное место.

– Убью, – слишком бодро Макар взлетает по ступеням. А меня начинает душить смех при виде Катьки, судорожно пытающейся попасть в замочную скважину элементом брелока в форме скелета.

– Ключ, ключ, – как охранник из советской сказки про близняшек и зеркала, завывает Валентайн.

Ярцев замирает напротив меня. Ест поедом взглядом, буквально сжирает. Его лоск остался видимо на пересчитанных им же ступенях. На лбу растет шишка размера фулл сайз, и сейчас он еще больше напоминает выползня из преисподней. Красивого, злого, и ужасно опасного демонюку.

– А не надо было строить из себя проклятого скота. И голова бы не болела, – мой писк тонет в его рыке, и судя по

звuku, Мойва начинает сползать по стене и пытается растечься по грязной подъездной плитке серебристой лужицей. И черт меня возьми, даже чулки, так и болтающиеся на моих конечностях, съеживаются, превращаясь в колодки. Потому что я буквально примерзаю к полу, не могу пошевелиться. Куда уж там думать о побеге? Дуба бы не врезать от такого стресса.

– Собирай свои гребаные вещи, пока я не начал убивать этих поганок по одной в полчаса. Тебе же хватит двадцать минут, чтобы собраться?

– Я не поняла, мы что зря жизнями рисковали? – любопытство Вальки все же пересиливает чувство самосохранения. – Кэт, мы тут лишние, похоже.

– Нет, – задыхаюсь от ужаса, при мысли, что сейчас мои подруги тихо свалят и я снова останусь один на один с Макаром Ярцевым. – Девочки, вы все неправильно...

– Если бы я не сходил с ума от злости, и ты бы не была нужна моей дочери, я бы сейчас растерзал тебя на тряпки. Тебя, и двух этих проныр. Но я едва дышу от ярости, слепну, – шепчет он мне прямо в ухо, обжигая своим раскаленным добела жаром. – Поэтому я буду великодушен и отпущу чертовых баб. А ты ответишь за шишку на моем лбу и каждый синяк на теле.

– Я вообще-то нанималась няней к девочке. Никто не говорил, что мне придется приглядывать еще и за вами, – да что же это такое? Мне тоже начинает не хватать воздуха. Го-

лова кружится, а по телу проносится горячая волна гнева. Она выжигает все остальные чувства. Кто он такой, вообще? Что себе позволяет? – И если я позволила себе минутную слабость в вашем присутствии, это не означает, что можно вести себя как последний козел.

– Кто козел? – теперь несносный мужлан смотрит на меня с интересом. – Я козел?

– Да, вы – проклятая прядь падает мне на левый глаз и я пытаюсь ее сдуть, раздуваю щеки, становясь похожей на рыбу-учительницу из мультика про глупую губку. – Смесь козла с гиббоном. Брызжете тестостероном как кашалот. А сами только и можете, что запугивать и унижать меня. Ваша дочь сейчас одна. Не удивительно, что у малышки дефицит внимания. Ей нужен отец, а не Бармалей.

– Ты уж определись, к какому виду млекопитающих я отношусь, – ох, как он зол. Раздувает ноздри так, что кажется они порвутся сейчас. Его рука держит меня за затылок так крепко и настойчиво.

– Нам пора, – шепчет где-то в пространстве Валька, – было приятно познакомиться и все такое, но у Мойвы режим. Ей пора на горшочек. И мне, собственно тоже. Верунчик, позвони, как сможешь. Мысленно Мы всегда рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.